

Е.А. РОГОВСКИЙ*

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И КРИЗИС

За последние 50 лет научно-технический прогресс (НТП) в США качественно изменился, изменилось и его воздействие на экономику, поскольку очень существенно изменилась сама американская экономика.

На рубеже XXI века накопление капитала приобрело новые, специфические формы. Наиболее значимыми для дальнейшего развития стали инновации, не связанные с присущим индустриальной экономике процессом производства новых материальных благ и традиционными формами применения основных экономических факторов, прежде всего труда и капитала.

По мере насыщения товарного рынка США доминировать стали отношения, обусловленные не производством товаров, а сделками в сфере обращения – продажами товаров и активов. Капитализм нашёл способы наращивать капиталы с помощью услуг, связанных с их обращением.

По уровню рентабельности на первый план вышли торговля и сфера финансовых услуг, тесно связанные с биржами, а также с корпоративной политикой и управлением активами. Логика инноваций здесь простая: то, что продаётся, должно быть доступным для продажи всегда и везде. Даже после того как это однажды уже было продано. Как оказалось, за счёт многократной перепродажи одних и тех же активов можно даже повышать валовой национальный продукт (ВНП), что существенно проще, чем производить новую продукцию. Более того, таким способом увеличивать ВНП можно независимо от динамики традиционных экономических ресурсов, эффективности их использования и технологического уровня производства. Казалось, что в США складываются особые экономические условия, когда наращивать ВНП можно просто вбрасывая в экономику так называемые «дополнительные» деньги и применяя специальные меры сдерживания роста цен на товары, которые на самом деле потребляются (т.е. инфляции на потребительском рынке). Эти деньги должны обслуживать спекулятивный рынок и вернуть на него множество ранее проданных товаров, которые в новых условиях можно выгодно перепродать. Таким образом, мобилизуются огромные массы старых товарных запасов, что существенно ослабляет связь между объёмом денежной массы и производством новых товаров.

При этом, поскольку огромная масса товаров фактически не потребляется, а постоянно перепродаётся, она превращается в так называемые экономиче-

* РОГОВСКИЙ Евгений Александрович – кандидат экономических наук, руководитель Центра проблем военно-промышленной политики ИСКРАН. Copyright © 2009.

Таблица 1

Структура услуг и их место в ВВП США

п/п	Годы	1980	1990	2000	2007
	ВВП, млрд. долл.	2 789,5	5 803,1	9 817,0	13 841,3
1	Обрабатывающая промышленность	556,6 (20,0%)	947,4 (16,3%)	1426,2 (14,5%)	1615,8 (11,7%)
2	Торговля (оптовая и розничная)	389,6 (14,0%)	746,5 (12,9%)	1254,1 (12,8%)	1685,6 (12,2%)
3	Информационная сфера (СМИ, издательская деятельность, кино-, видео- и аудиопромышленность, радио и ТВ, связь, обработка данных)	99 (3,5%)	225,1 (3,9%)	458,3 (4,7%)	645,3 (4,7%)
4	Финансовая деятельность (финансы, страхование, недвижимость, аренда, лизинг и проч.)	442,4 (15,9%)	1042,1 (18,0%)	1931,0 (19,7%)	2860,7 (20,7%)
5	Профессиональные услуги (Профессиональные и научно-технические услуги, услуги по менеджменту)	186,4 (6,7%)	569,8 (9,8%)	1140,8 (11,6%)	1684,2 (12,2%)
6	Образование, здравоохранение и социальное обеспечение	139,7 (5,0%)	386,7 (6,7%)	678,4 (6,9%)	1090,7 (7,9%)
7	Искусство, развлечения, отдых, гостиничный и ресторанный бизнес	83,5 (3,0%)	195,2 (3,4%)	350,1 (3,6%)	505,7 (3,7%)
8	Прочие услуги (помимо услуг правительства)	62,6 (2,2%)	142,6 (2,5%)	229,1 (2,3%)	316,6 (2,3%)
9	Услуги правительств (Федерального, штатов и местных администраций)	383,7 (13,8%)	805,3 (13,9%)	1202,7 (12,3%)	1741,0 (12,6%)
	Итого услуги (2–9)	64,1	71,1	73,9	76,3

БЕА

ские «сокровища»¹. Вот почему можно утверждать, что **в любой данный период времени на американских товарных рынках продаётся многократно больше того, что в США за этот период было произведено.**

Это и определило качественное изменение и ориентиров НТП, и всей структуры американской экономики: опережающее развитие получила сфера обращения (см. табл. 1). Если в 1980 г. пятую часть ВВП составляла обрабатывающая промышленность, то в 2007 г. более его четверти приходилось на информационные и финансовые услуги. Такое существенное изменение стоимостной структуры американской экономики тесно связано с двумя взаимосвя-

¹ «Сокровища» – это товары, стоимость которых со временем не уменьшается. Подробнее см.: Роговский Е.А. Спрос на информацию и развитие информационного сектора США к началу XXI века. М., ИСКРАН, 2002.

занными изменениями конечного платежеспособного спроса, а именно: резко возросшим спросом, во-первых, на услуги сферы обращения товаров и ценных бумаг (финансовые услуги), и во-вторых, на информацию (знания). Как свидетельствует официальная статистика США, **начиная с 1990-х годов XX века, информация и финансовые услуги оказались среди ключевых факторов развития американской экономики.**

Одним из наиболее востребованных видов услуг стало управление активами, принадлежащими клиенту, с целью наращивания интегральной рыночной стоимости его портфеля. Этот постоянно расширяющийся бизнес стал онлайн-новым и глобальным и по своей эффективности значительно превосходит традиционные для индустриальной эпохи (производственные) способы экономической деятельности.

1.

На индустриальном этапе развития американской экономики капиталовложения в модернизацию и обновление технологической базы производства осуществлялось промышленными корпорациями в основном из собственных накоплений. Соответственно, темпы НТП были относительно низкими, поскольку для внедрения даже многообещающих изобретений надо было сначала накопить средства в соответствующем фонде компании.

Постепенно, по мере накопления финансового капитала, обновление производства в США стало осуществляться за счёт кредитов, взятых под залог имущества компании. Примерно с начала 1990-х годов, когда финансовые институты накопили достаточно много кредитных ресурсов, они стали применять схемы опережающего финансирования, в которых обеспечением кредита выступали ещё не полученные «ожидаемые доходы». Причём залогом под такие кредиты, как правило, выступали акции компании-заёмщика, стоимость которых непосредственно связывалась с масштабами «ожидаемых доходов», а размеры кредита зависели от уровня капитализации компании.

Такая схема кредитования под «запланированные будущие доходы» позволила в эти годы американским предпринимателям больше рисковать, а потому эти схемы получили название рискованных, или венчурных, проектов. Они характерны как для крупных, так и особенно для тысяч средних и мелких компаний. Чтобы рисковать, предпринимателю надо верить в намеченный проект. Для кредитора такой веры недостаточно, ему надо иметь возможность максимально сократить свои финансовые риски («хеджировать»). Иначе говоря, переложить основную часть такого кредита на других инвесторов. Наиболее распространённый метод хеджирования рисков – секьюритизация долгов. (Речь идёт о случаях, когда под ещё не выплаченный, но не просроченный долг выпускаются и размещаются на рынке новые производные ценные бумаги – деривативы.)

Подобные схемы позволяли предпринимателям США начинать новые проекты, не дожидаясь, пока окупятся старые, что революционно (!) ускорило темпы НТП. Однако в то же время это резко увеличило количество находящихся в обращении на финансовых рынках фиктивных активов (фактически долгов), что очевидно имело негативные макроэкономические последствия.

В 1990-х годах в США особенно высокими темпы инноваций были в сфере производства и использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Значительная часть вкладываемых в новые проекты денежных ресурсов поступала не из собственных прибылей компаний, а привлекалась со стороны. В этой ситуации финансовые вопросы (новые кредиты, выход на первичное размещение акций на бирже, эмиссия и размещение дополнительных пакетов акций, а также рост их биржевых котировок) имели для функционирующего капитала значение не меньшее (если не большее), чем новые производственные разработки. В эти годы основные критерии рыночной оценки бизнеса в сфере ИКТ, если судить по выступлениям в печати США, связывались не столько с его реальной эффективностью, сколько с ростом его капитализации и кредитного потенциала. Все это очень существенно сместило традиционные ориентиры НТП, изменило характер его воздействия на американскую экономику, а также содержание наиболее значимых с экономической точки зрения инноваций.

Завершение процесса информатизации инвестиционно-финансовой сферы и особенно текущий экономический кризис США заставляют их идеологов переосмыслить подходы к широкому распространению таких инноваций, как ***схемы опережающего кредитования***. Можно утверждать, что ***по мере их распространения сформировалась тенденция систематического привнесения в реальную кредитно-финансовую систему всей той неопределённости, которая тесно сопряжена с «ожиданиями будущих доходов»***.

Фактически текущий кризис поставил перед трезво мыслящими американскими экономистами вопрос о том, что завышенные оценки будущих доходов, заключённые в огромной массе одолженных денег, стали представлять реальную угрозу экономической безопасности США.

2.

До окончания «холодной войны» тенденции НТП в США определяло государство, которое устанавливало соответствующие интересам страны цели и критерии оценки как позитивных, так и негативных его последствий. Абсолютный приоритет имели оборонные разработки, многие из которых бизнес использовал с помощью механизма передачи технологий (*spin-off*).

На рубеже веков традиционные мотивы гонки вооружений частично потеряли значение, а инновационное развитие США в большей степени стало ориентироваться на потребности гражданского рынка товаров и услуг, который поставил перед НТП новые финансовые ориентиры. Интересы бизнеса (функционирующего капитала) стали «более прямолинейными» – в отличие от 1970 – 1980-х годов, реальные цели инновационной политики корпораций вышли за рамки технологий переработки сырья, ресурсосбережения и рационализации производства. Главным стал чисто финансовый результат их бизнеса. Отсюда резкое повышение значимости инноваций в самой финансовой сфере.

Как подчеркивают отечественные экономисты, «помимо промышленного сектора, техника и технология на микроэлектронной базе оказали огромное влияние на банковскую и страховую отрасли, полностью революционизировав

финансовую сферу»². Тенденция развития этой сферы, с одной стороны, отразила постоянный рост потребности общества в финансовых услугах, с другой – дала основания полагать, что ключевые ориентиры НТП в современной экономике США всё в большей степени связаны со сферой обращения и, прежде всего, со сферой торговых (биржевых) и финансовых услуг. Причём по своей экономической «результативности» на первый план в этой сфере вышли инновации, опирающиеся на масштабное применение не просто микроэлектроники, но весьма изощрённого программного обеспечения.

Жёсткая ориентация инновационной политики на финансовый результат модифицировала схему расчётов экономической эффективности нововведений. В частности, при оценке инвестиций, связанных с новыми ИКТ-системами (приобретением компьютеров, программного обеспечения, применением новых носителей информации, подключением к тому или иному онлайн-сервису и проч.), эти инвестиции стали сопоставляться не только с ожидаемыми доходами, но также и с постоянно нарастающими расходами на их обслуживание и обеспечение информационной безопасности. Это существенно понизило уровень реальной экономической эффективности ИКТ-систем³.

В данном контексте обращают на себя внимание такие уже проявившиеся особенности современного НТП, как соревнование между транспарентностью и анонимностью применения информационно-финансовых технологий. Особый интерес представляет соревнование государства, создающего всё более изощрённые средства фискального контроля (см. об этом ниже) и частного бизнеса (в основном заинтересованного в средствах защиты от такого контроля). Фактически в этой сфере в США развернулась своего рода «гонка вооружений», а технологическое развитие пошло одновременно по двум противоположным направлениям: создание условий транспарентности (прозрачности) для одной стороны и повышенной конфиденциальности для другой.

Как известно, в рыночной экономике вопрос транспарентности бизнеса является одним из самых важных. В США ещё совсем недавно ликвидность рынка корпоративных акций (т.е. их свободное превращение в деньги) опиралась на достаточно высокий уровень развития «экономической демократии», которая целенаправленно культивировалась после «Великой депрессии» 1929 г. Её важнейшие черты – информационная открытость бизнеса как для частных инвесторов, так и для государства-регулятора. Отсюда высокий объем обязательной ежеквартальной и годовой финансово-бухгалтерской отчётности. Эти данные были доступны не только правительственным ведомствам, акционерам и участникам рынка ценных бумаг, но и любому желающему⁴.

Сегодня информационной открытости американскому бизнесу явно недостаёт. Разработчики современных инноваций онлайн-бизнеса, как правило, ориентируются на так называемые «оптимизирующие» финансовые схемы, «опережающие» правила налоговой, бухгалтерской и прочей отчётности. Уме-

² Супян В.Б. Американская экономика: новые реальности и приоритеты XXI века. М., 2001, с. 14.

³ В экономической литературе этот «эффект» получил название «эффекта Солоу», по имени американского экономиста, нобелевского лауреата Роберта Солоу, впервые обратившего внимание на то, что ожидаемой выгоды от ИТ статистика не подтверждает.

⁴ Кочетков Г.Б., Супян В.Б. Корпорация: американская модель. СПб., 2005, с. 12

стно упомянуть, например, о технологии оформления сделок по приобретению акций «постфактум» (*backdating*), что очень существенно при динамичных котировках.

Помимо опережения во времени такие инновационные финансовые услуги создают условия для **глобальной «налоговой оптимизации» бизнеса**. Это позволяет подбирать для совершения сделок наиболее выгодные площадки, менять форму легализации и юридический «порт приписки» капитала и т.д. Можно утверждать, что применение подобных «оптимизирующих» схем фактически стало не просто типичным явлением, а **необходимым атрибутом конкурентоспособности любой компании**.

Практика показывает: отсутствие транспарентности заёмщика для банка-кредитора является главной причиной роста «плохих кредитов», что в конечном счёте ухудшает финансовое состояние банка.

В известном смысле с помощью подобных технологий американский капитал в конце XX – начале века XXI на деле систематически размывал экономическое благополучие страны, регулярно «обыгрывая» государство, которое по старинке опиралось на общепринятые стандарты системы ежемесячной, ежеквартальной и годовой финансово-бухгалтерской отчётности.

Всякий раз после очередной крупной аферы или финансового кризиса американское государство объявляло виновников мошенниками и пыталось с помощью новых законов и инструкций повысить уровень транспарентности бизнеса («догнать мошенников»). Достаточно упомянуть ужесточение финансово-бухгалтерской отчётности, введённое законом Сарбанеса – Оксли (принят после краха компании «Энрон»). В США действуют и достаточно строгие правила регулирования финансового рынка. Однако, как оказалось, они оставляли для функционирующего капитала достаточно лазеек, которые используются в новых инновационных схемах⁵.

В течение последние 20 лет количество и разнообразие тесно связанных с информационно-коммуникационными технологиями организационных и финансовых инноваций в США нарастало очень быстро. Это: электронные биржи, регистрация виртуальных компаний, Web-банки, аналитические Интернет-сервисы и многое другое. Всё это буквально провоцировало агрессивный бизнес работать «на грани фола». И поскольку в реальной жизни скорость таких инноваций значительно опережает темпы нововведений в сфере государственного регулирования (и тем более темпы международных договоренностей), ответы на вопрос о том, кто выигрывает эту своеобразную гонку и куда в США был направлен результирующий вектор НТП, достаточно очевидны.

За период своих полномочий администрация Дж. Буша-мл. практически до минимума сократила воздействие государства на экономику. При этом заблаговременный анализ возможных негативных последствий применения рискованных инноваций не проводился. А критерии допустимости или недопустимости применения этих инноваций рассматривались в ходе судебных разбирательств, т.е. только **после** предъявления пострадавшими исков о компенсации понесенного ими ущерба. В известной степени это позволяет утверждать, что сфера **государственного регулирования НТП утратила стратегическую инициативу его ориентации на интересы общества в целом**.

⁵ См., например: RegNMS, FFIES, 22с-2 (О мерах администрации Б. Обамы см. ниже).

3.

К такого рода инновациям можно отнести и **современные финансовые пирамиды**. Судя по обвинениям, предъявленным отцу – основателю НАСДАК Б. Медоффу, в США финансовые пирамиды считаются мошенничеством, за которое надо судить постфактум, а не преступлением, которое надо предотвращать и пресекать. Сложившаяся практика такова, что ныне правоохранные органы могут мошенничество просто игнорировать до тех пор, пока «участники» пирамиды ожидают возвращения вложенных в неё денег и официальных исков не предъявляют.

Если на уровне отдельной компании вопрос об ущербе обозначается в иске к виновнику, то на уровне экономики в целом вопрос об оценке ущерба, связанного с применением подобных финансовых инноваций, ни американской экономической наукой, ни ФРС, ни советниками президентов даже не ставился.

Размеры такого рода ущербов определить очень трудно, поскольку макроэкономический ущерб в этом случае не исчерпывается расчётом недополученной прибыли (здесь традиционные антимонопольные рецепты оценки ущерба не подходят)⁶. Следует иметь в виду, что негативные последствия широкого применения финансовых инноваций могут быть, во-первых, распределёнными во времени и комплексными (т.е. проявляться не только на уровне отдельных компаний и людей, но и общества в целом). Во-вторых, в отличие от природных катаклизмов ущерба и бедствия, связанные с такими инновациями, ни в коей мере нельзя считать стихийными. Проблема усложняется необходимостью учёта экономических ущербов, о которых никто не заявляет (по ним иски не предъявляются). В этом случае вопрос о пострадавших не возникает и ущерб не оценивается.

Всё это означает, что задача количественной оценки негативных последствий (ущерба) от распространения такого рода инноваций представляется достаточно сложной. Её решение требует больших теоретических и методологических усилий. А современная статистика США, экономика и социология к этому пока не готовы, в том числе и по политическим соображениям.

Особого внимания к себе требуют те инновации, ущерб от применения которых невозможно возместить; они должны рассматриваться как неприемлемые и относиться к разряду угроз экономической безопасности, т. е. таких, распространение которых выгоднее (целесообразнее) предотвращать.

4.

Видимо, именно такой ущерб обеспокоил одного из руководителей Федеральной резервной системы (ФРС) США Э. Грамлиха⁷, который ещё в

⁶ В принципе оценка негативного эффекта от перенасыщения постиндустриального общества информационными технологиями может быть подобна оценке негативных экологических последствий, вызванных чрезмерным воздействием хозяйственной деятельности человека на окружающую среду. С этой точки зрения, интегральные оценки могут строиться на доказанных в суде исках пострадавших. Думается, что экономического обобщения требуют данные правоохранительной системы США о судебных решениях по искам, связанным с промышленным шпионажем, интеллектуальным пиратством, использованием инсайдерской информации, сознательным обманом инвесторов, недобросовестной рекламой и проч.

⁷ Эдвард Грамлих – авторитетный эксперт по плохо обеспеченным займам (*subprime lending*), член Совета управляющих ФРС, профессор экономики Мичиганского университета.

2000 г. (!) обратил внимание своего шефа А. Гринспена на нарастающую угрозу хищнического кредитования. Речь шла о росте пирамиды заимствований за счёт так называемых «кредитных свопов». Он настаивал, чтобы А. Гринспен предложил правительству принять меры, препятствующие росту злоупотреблений на рынке ипотечных кредитов⁸.

Как оказалось, Гринспен об этой угрозе знал, но тем не менее обращение Грамлиха проигнорировал. В последующий период (2000–2007 гг.), оценки инвестиционных рисков, рейтингов и тенденций развития экономики США во многом просто дезинформировали рядовых инвесторов⁹ и «грешили завышенными ожиданиями», иначе говоря, приобрели систематическое смещение в сторону чрезмерного оптимизма. Как справедливо подчеркнул помощник президента РФ А. Дворкович, «завышенные ожидания были связаны с развитием нового поколения технологий», которые создавали иллюзию стимулов для бесконечного экономического роста¹⁰.

В такой атмосфере казалось, что в ускоренный рост экономики США инвестировать можно бесконечно, что в современном мире нетрудно найти людей, желающих вложить куда-нибудь деньги (тем более не свои, а заёмные средства). Реальных рисков никто не учитывал, поскольку для получения доступа к деньгам достаточно было предъявить номинальный имидж, создаваемый рейтингом кредитоспособности. Рынки не страховались, так как «было ощущение», что американская экономика может функционировать не как нормальная капиталистическая (т. е. за свой счёт), а по-другому: т.е. за счёт внешних доноров. Росли Китай и Индия с их громадными рынками. Все предыдущие годы было ощущение («завышенные ожидания»), что спрос есть и будет всегда, что ресурсов – нефти, стали, промышленных мощностей – постоянно не хватает; что мировая экономика так и будет расти на 4% ежегодно. В результате и богатые, и бедные страны чувствовали, что можно ещё долго вовлекать в этот рост заёмные финансовые ресурсы и таким образом на протяжении многих лет «обманывать судьбу» и избегать кризиса.

После смерти Э. Грамлиха (в сентябре 2007 г.) сторонников противостояния злоупотреблениям на ипотечном рынке – этой главной угрозе экономической безопасности США, не нашлось. Можно утверждать, что вскоре, не испытывая противодействия, сложившаяся модель экономического роста, основанная на постоянных заимствованиях капитала, работать перестала, финансовый сектор задохнулся и в Соединённых Штатах начался финансовый кризис (переросший впоследствии в экономический).

При этом **у мировой общественности сформировалось мнение, что кризис, с которым США столкнулись в 2007 г., совершенно нового типа, причины воз-**

⁸ The Financial Crisis and the Role of Federal Regulators. U.S. House of Representatives, Committee of Government Oversight and Reform, 23.10.2008. Stenographic minutes, p. 35. См. также Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис. Фаза 2 (Рецессия). – «США ♦ Канада», 2009, № 3.

⁹ Shiller R. The Subprime Solution. How Today's Global Financial Crisis Happened, and What to Do about It. Princeton (N.J.), 2008. p. 3.

¹⁰ См.: Дворкович А. Если кризис затянется, полетят правительства. – «The New Times (Новое время)», 6.04.2009, с. 31 (<http://newtimes.ru/articles/detail.php?ID=547>).

никновения которого не знает никто, и что подобного кризиса (который затронул бы всех) ещё никогда не было, а потому даже титулованным экономистам не зазорно признаваться в том, что они либо считают его рядовым (для капиталистической экономики) циклическим явлением, либо абсолютно не понимают его причин и механизма развития (генезиса).

5.

Возникшие в конце 2008 г. в мировой финансовой системе проблемы заставили многих лидеров признать, что **нерегулируемое использование финансовых инноваций является одним из основных источников уязвимости не только национальной, но и международной экономической безопасности**. На саммите «Двадцатки» в Лондоне в апреле 2009 г. для борьбы с кризисом Россия предложила создать мировую финансовую разведку. Это предложение поддержано не было. И проблема тут не в России. Можно предположить, что основной причиной тому было то, что подобная разведка в США фактически уже существует.

После принятия в 2001 г. законодательства «О патриотизме», включающего финансовые меры противодействия терроризму, понятие дестабилизирующих финансовых угроз в США связывалось исключительно с «финансированием терроризма» и «отмыванием денег».

Международная конвенция «О борьбе с финансированием терроризма» была принята Генеральной Ассамблеей ООН почти 10 лет назад, в декабре 1999 г. Она требовала от подписавших её государств установить подсудность лиц и организаций, финансирующих террористическую деятельность. Но до трагических событий 11 сентября 2001 г. международное сотрудничество в этой сфере было недостаточным. Сразу после них Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1373, которая обязала членов ООН «предотвращать и препятствовать финансированию террористической деятельности».

Не замечать угрозы «финансирования терроризма» и «отмывания денег», которые считаются уголовными преступлениями, правоохранные органы не имеют права. В США механизм противодействия этим угрозам был создан уже в 2001 г. по распоряжению президента Буша «для контроля над каналами финансирования международного терроризма и пресечения запрещённых (соответствующими международными договорённостями) денежных потоков»¹¹. Это – уникальный механизм, который позже развился в международную Группу по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (*FATF, Financial Action Task on Money Laundering*).

С той же целью в 2004 г. в США было создано так называемое Бюро глобальных рисков безопасности, которое составляло списки иностранных компаний, чья деятельность «повышает глобальные риски безопасности и тем самым увеличивает материальные риски инвесторов».

¹¹ Taylor J. Global Financial Warriors. The Untold Story of International Finance In the Post 9/11 World. New York, London, 2008. (В мировой печати не раз отмечалось, что международные финансовые платежи по схеме SWIFT контролируются американским правительством. Здесь важно подчеркнуть: деятельность этой системы не была направлена против конфиденциальности крупных американских компаний и банков).

6.

В самом деле, **если подходить к кризису серьёзно, то трактовать его следует как угрозу национальной безопасности страны (подобно тому, как в своё время США относились к проблеме ядерного противостояния с СССР)¹². В этом случае абсолютный приоритет должна получить количественная характеристика угрозы (подобно подсчёту количества и мощности ядерных зарядов).**

Почти полвека назад руководитель СССР Н.С. Хрущев пообещал показать США «кузькину мать» и приказал построить и взорвать 100-мегатонную ядерную бомбу. Советские ученые-физики пришли в ужас (теории взрывов такой циклопической мощности не существовало, предвидеть его последствия невозможно и случиться могло всё, что угодно, вплоть до глобальной катастрофы) и взяли на себя неслыханную ответственность, самовольно вдвое сократив мощность заряда.

В зарубежной экономической науке сегодня таких ответственных учёных нет. Нет и надёжной экономической теории, объясняющей, что может случиться, если вбросить в современную экономику сразу очень много денег. Поэтому, осуществляя такую «суперинновацию», жизненно важно сделать экономику более прозрачной и тщательно контролировать её состояние (а лучше всего заранее точно знать, как именно бизнес будет «крутить» предоставляемые государством деньги).

В этом контексте **необходимо обратить особое внимание на наиболее значимую (можно сказать, стратегическую) информационную инновацию А. Гринспена: за год до наступления кризиса он покинул пост шефа ФРС и «посоветовал» начиная с марта 2006 г. засекретить ключевую информацию о предложении денег (так называемый «долларовый агрегат М3», включающий стоимость облигаций и деривативов).** Сегодня А. Гринспен потерял имидж финансового гуру, но этому его совету нынешнее руководство ФРС следует неукоснительно. Более того, ни президент США, ни тем более президенты других стран этой информации от ФРС потребовать не могут. И это при том, что **неконтролируемая эмиссия доллара уже стала главным инструментом скрытого давления США на мировую экономику.** Именно это, с одной стороны, подрывает эффективность самых строгих мер противодействия кризисным явлениям, а с другой – придаёт перспективам развития кризиса фундаментальную неопределённость.

Решить возникшую проблему секретности, как представляется, можно двумя путями. 1) создать спецслужбу, которая будет эту информацию регулярно красть (вспомним предложение о создании международной финансовой разведки); 2) убедить США отказаться от этой стратегической инновации А. Гринспена и отменить соответствующее решение ФРС.

На саммите «Двадцатки» в Лондоне 19 воспитанных и образованных лидеров ведущих стран мира просто постеснялись обратить внимание обаятельного Б. Обамы на эту проблему. Судя по материалам прессы, лидеры «Восьмёрки» не рассматривали этот вопрос и на саммите в Аквиле, где обсуждались меры

¹² См. подготовленный разведывательным сообществом США в феврале 2009 г. ежегодный доклад об оценке угроз (<http://intelligence.senate.gov/090212/blair.pdf>).

по борьбе с экономическим кризисом. Возможно, именно по этой причине они так и не пришли к единому мнению, достиг ли кризис своего дна и как он будет развиваться. В самом деле, **без решения проблемы секретности «агрегата МЗ» бороться с кризисом придётся вслепую**, не зная, сколько ещё «волн» долларовой эмиссии может обрушиться на мировую экономику (причём появляться эти «волны» могут не по «объективным» законам экономических циклов, а в связи с циклами политической жизни США).

Отсюда напрашивается вывод: **после засекречивания данных по агрегату МЗ в США перестал работать жизненно важный механизм экономической диагностики, что и стало главной причиной наступившего кризиса.** Иначе говоря, кризис показал, что **одной из наиболее значимых угроз, дестабилизирующих финансовую систему США, является недостаток транспарентности американского рынка капиталов, а также неадекватность механизма его регулирования.** Само Министерство финансов США признаёт, что, «недостаток транспарентности на рынке секьюритизированных займов привёл к снижению стандартов и качества соответствующих финансовых услуг»¹³.

«Бизнес явно дезинформировал регулирующие органы, систематически предоставляя слишком неточную информацию (о сделках, рейтингах и проч.), проверить которую было практически невозможно». К таким выводам пришли участники прошедшей в конце 2008 г. в Нью-Йорке конференции, посвященной проблемам перестройки международной финансовой системы¹⁴. В обнародованных в июне 2009 г. предложениях Министерства финансов США, фактически констатируется, что, поскольку абсолютное большинство инвесторов слишком доверялось ненадёжным индексам рейтинговых агентств, на инвестиционном рынке резко ухудшилась конкурентная среда и снизилась результативность работы рыночного механизма.

В этом контексте отмеченное выше **предложение России, возможно, было истолковано, как намерение создать международный орган, контролирующий финансовую деятельность частных американских компаний**, более того, как намерение создать систему предотвращения подобных кризисов в будущем с помощью мониторинга и предотвращения злоупотреблений. Такое предложение (как и предложение о международном контроле Интернета) для США, очевидно, неприемлемо.

7.

Сталкиваясь с серьёзными проблемами, США всегда делали ставку на передовые научно-технические достижения и инновации. **Новый президент Б. Обама**, вступивший в должность 20 января 2009 г., возлагает большие надежды на развитие сетевых технологий и выступает за свободное распространение информации в Интернете. Свою позицию по этому вопросу он высказал

¹³ Financial Regulatory Reform: A New Foundation (http://www.financialstability.gov/docs/regs/FinalReport_web.pdf).

¹⁴ Building an International Monetary and Financial System for the 21st Century: Agenda for Reform. Proceedings of the Conference Organized by the Reinventing Bretton Woods Committee in New York City, 24–25.11.2008. eBook Reinventing Bretton Woods Foundation, 2009. Conference Summary Ed. by Sandrine Merckaert, p. 2.

в октябре 2007 г. (будучи ещё кандидатом в президенты), заявив, что **выступает за «новый уровень транспарентности федерального правительства, предоставление американцам таких возможностей участия в обсуждении и решении вопросов в Вашингтоне, какие ещё несколько лет назад были недоступны»**¹⁵.

Несколько упрощая ситуацию, следует признать, что в целом новый президент США оказался прав. Сегодня кризис уже всерьёз захватил американскую экономику и среди его главных причин специалисты называют именно «дефицит транспарентности» функционирующего капитала. Соответственно, среди рецептов выхода из кризиса чаще всего указывают на необходимость повышения прозрачности. Дело только в том, что Б. Обама имел в виду политический аспект «гласности», т.е. открытость процедур принятия решений в Вашингтоне для вооружённых Интернетом американцев, тогда как причиной кризиса является нехватка «гласности» экономической, т.е. чрезмерная непрозрачность бизнеса для регулирующих органов США (и прежде всего для ФРС)¹⁶.

На пресс-конференции после завершения саммита «Двадцатки» в Лондоне Б. Обама заявил, что «пациент (мировая экономика), конечно, серьёзно болен, но его состояние может быть стабилизировано», и что Америка понимает свою вину за то, что «некоторые американские компании брали на себя неоправданные риски». Президент США не назвал поведение этих компаний мошенничеством (скорее он имел в виду что-то вроде «безответственности»), но признал, что именно это и привело мир к нынешнему кризису¹⁷.

Одним из ключевых вопросов экономической политики новой администрации можно считать финансовую реформу. Говоря о ней, Б. Обама заявил о намерении усилить национальный финансовый контроль. При этом он подчеркнул, что правительство в своих решениях не может полагаться на устаревшие экономические конструкции (модели) и должно ориентироваться на точную информацию.

В целом, направленная на преодоление текущего кризиса экономическая политика новой администрации США ориентируется на тесное сотрудничество с крупным финансовым бизнесом. Об этом свидетельствуют обнародованный в июне 2009 г. Доклад о реформе финансового регулирования, содержащий предложения администрации Б. Обамы по изменению режима регулирования финансовой системы¹⁸.

В этом документе фактически признается наличие глубокого кризиса в системе американской финансовой статистики, которая больше не может служить основой для регулирования финансового рынка. Центральное место занимают меры по созданию инструментов, необходимых для преодоления фи-

¹⁵ Technology and Innovation for a New Generation. Barack Obama Presidential Announcement Speech in Springfield, 2.10.2007 (<http://origin.barackobama.com/issues/technology/#open-internet#open-internet>).

¹⁶ Иначе говоря, признаётся, что причиной кризиса стал информационный голод ФРС, что у А. Гринспена была интуиция, но не было точной информации, что Э. Грамlich тоже не располагал конкретными данными, а потому и не смог убедить А. Гринспена принять меры, предотвращающие рост пирамид «кредитных свопов».

¹⁷ <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/04/02/AR2009040202415.html>

¹⁸ Financial Regulatory Reform: A New Foundation (http://www.financialstability.gov/docs/regs/FinalReport_web.pdf)

нансового кризиса. Вместо прежней системы государственного регулирования финансовой сферы (точнее в дополнение к ней) предлагается разработать и внедрить:

- новую систему жесткого (оперативного) мониторинга деятельности всех крупных частных финансовых фирм;
- систему «усиленных» стандартов (правил поведения) для банков и холдинговых компаний, работающих с капиталами;
- систему регистрации хедж-фондов и иных частных компаний, работающих с капиталами.

Кроме того предлагается:

- усилить надзор в страховом секторе финансового рынка;
- усилить регулирование и надзор за рынками деривативов (*securitization markets*) и так называемых «дефолтных кредитных свопов» (*credit default swaps*);
- создать новое агентство финансовой защиты потребителей от финансовых злоупотреблений;
- залатать иные «дыры» в системе регулирования денежного рынка США.

Особо выделена задача определения дальнейшей судьбы крупнейших финансируемых государством ипотечных компаний – «Фани Мэй» (*Fannie Mae*) и «Фреди Мак» (*Freddie Mac*).

Формально уровень контроля за финансовыми рынками несколько понижается – с президентского уровня до уровня ФРС и Министерства финансов. Так, вместо устаревшей рабочей группы по финансовым рынкам при президенте США, которая была сформирована в 1988 г. президентом Р. Рейганом и ориентирована на решение финансовых проблем «черного понедельника» (19 октября 1987 г.), создаётся Совет по надзору за финансовыми услугами (*Financial Services Oversight Council*), который возглавит министр финансов США и в который войдут руководители крупнейших банков, агентств недвижимости, а также представители органов, регулирующих товарные и фондовые биржи.

Основной задачей этого совета будет усиление обмена информацией и координации в сфере регулирования финансового рынка, определение наиболее значимых финансовых рисков. Кроме того, в его функции будет входить составление перечня компаний, требующих повышенного внимания, – так называемых «первостепенных финансовых холдинговых компаний (ПФХК)». Такой перечень рекомендован ФРС и будет учитывать: размеры компании и её оборот (в том числе, внебалансовый); влияние краха компании на финансовую систему и экономику; надёжность краткосрочного финансирования; значимость фирмы в качестве ресурса кредитования домашних хозяйств, бизнеса, местной власти и властей штатов, а также в качестве источника ликвидности для финансовой системы в целом.

Важно подчеркнуть, что **финансовая элита американского бизнеса не позволила президенту Б. Обаме «взять всю власть в свои руки»**. Основным смыслом нововведений состоит в очень существенном расширении полномочий ФРС, которая сможет жёстко контролировать и регулировать деятельность компаний, включённых в перечень ПФХК (меры корпоративной политики, платежи, зачёты, рост капитализации, ликвидности, уровень финансовых рис-

ков, масштабы нефинансовой активности и проч.), независимо от наличия у них зарубежных филиалов и независимо от принадлежности размещённых в них активов.

В предложениях Министерства финансов предусматривается, что решения этого совета будут иметь для ФРС рекомендательный характер, а реальный контроль и регулирование деятельности ПФХК возлагается на ФРС. Интересно отметить, что в случае реализации этих предложений, **ответственность, власть и влияние ФРС значительно возрастут и при этом её нынешний руководитель**, как и его предшественник А. Гринспен, **будет иметь легальную возможность не обращать внимания на те или иные «не существенные с его точки зрения» финансовые инновации, а также на рекомендации совета** (который по сути будет выполнять функции «коллективного Э. Грамлиха», т.е. будет предупреждать ФРС о возникающих на финансовом рынке США злоупотреблениях).

Фактически Б. Обама признал, что ущерб, который США понесли в результате кризиса и обрушения многомиллиардных пирамид неприемлем для страны и отнес эти угрозы к разряду угроз национальной безопасности США. Поэтому уже существующая система выявления и нейтрализации внешних угроз финансовой стабильности страны со стороны «недружественных» зарубежных инвестиционных компаний, будет дополнена мониторингом собственных «ненадёжных» ПФХК. Теперь таких людей как Б. Медофф будут считать потенциальными мошенниками и тщательно контролировать их деятельность, а также заблаговременно пресекать (предотвращать) если не строительство, то обрушение финансовых пирамид.

По нашему мнению, основная деятельность вновь создаваемого Совета по наблюдению за финансовыми услугами будет направлена на преодоление информационного «голода» ФРС и состоять в обеспечении ФРС качественной информации (полной, достоверной, актуальной). Очевидно, что при этом имеются в виду далеко не только статистические данные (ежемесячные, квартальные или годовые) и обязательная отчётность инвестиционных компаний перед Комиссией по ценным бумагам, отчёты аудиторов, данные СМИ и различных опросов, а также иные аналитические материалы. Поскольку подавляющее количество сделок, платежей и прочих операций в настоящее время заключается в режиме «он-лайн», отслеживать деятельность особо важных компаний из списка ПФХК придётся в том же режиме непрерывного сканирования.

Всё это делается для того, чтобы обеспечить для ФРС возможность контролировать поведение ключевых игроков финансового рынка и, в случае чего, оперативно вмешиваться в их деятельность. Фактически **бизнес будет контролироваться элитой бизнеса, которую представляют ФРС и Уолл-стрит**.

Но будет ли правительство, бизнес и общественность знать о деятельности самой ФРС? Как известно, ряд вопросов, относящихся ранее к компетенции А. Гринспена и Э. Грамлиха, до сих пор находится вне общественного и тем более международного контроля. Новая администрация объявила о стремлении к большей открытости деятельности правительства. Но формально ФРС в правительство не входит и вряд ли будет стремиться к повышению прозрачности своей деятельности, чтобы сделать процесс производства денег более контролируемым.

8.

Глава правительства РФ В.В. Путин, выступая в начале 2009 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе, упомянул об информационных проблемах международной системы финансовых расчётов. Он, в частности, отметил: «Настало время освободиться от виртуальных денег, дутых отчётов и сомнительных рейтингов»¹⁹.

Скорее всего, Б. Обама, опираясь на информационное доминирование США, будет стремиться создать глобальный механизм спасения финансового сектора американской экономики, утверждая, что на этой основе и все остальные страны смогут потом воспользоваться улучшением конъюнктуры на кредитном рынке²⁰. При этом Б. Обама, видимо, готов отказаться от дутых отчётов и даже от сомнительных рейтингов, но только не от права США печатать как реальные, так и виртуальные доллары. Напротив, можно ожидать, что его **администрация будет** доказывать, что колоссальная долларовая эмиссия не имела к кризису никакого отношения, и продолжать **пропагандировать инструменты управления капиталами, предотвращающие их использование в целях, противоречащих национальным интересам**.

Судя по обнародованному Министерством финансов в феврале 2009 г. Плану обеспечения финансовой стабильности, администрация США не станет выводить экономику из состояния «перекапитализации». Как и его предшественники, Б. Обама будет следовать неокейнсианским рецептам, т.е. печатать доллары и вбрасывать их в экономику, но в отличие от предшественников он получит циклопическое количество денег и долгов²¹. При этом администрация будет стремиться сохранить прежнюю схему роста американского капитала и не столько за счёт наращивания объёма реального материального и нематериального богатства (и соответственно, сбережения доходов и накопления части реально полученной прибыли), сколько путём повышения спекулятивной оценки активов. В этом случае к финансовому капиталу будут механически присоединяться вновь одолженные деньги, в том числе вновь эмитированные платёжные средства (не участвовавшие ранее ни в одной из стадий нормального экономического воспроизводства).

Хотелось бы особо подчеркнуть, что «экономическая стратегия нынешней американской администрации состоит в том, чтобы использовать план финансовой стабилизации для запуска механизма контролируемой инвестиционной инфляции» (т.е. удорожания активов)²². Однако при этом для «отсечения» воз-

¹⁹ <http://www.rian.ru/economy/20090129/160410501.html>

²⁰ США будут обязательно использовать свое информационное доминирование, что станет дополнительным фактором дестабилизации международной обстановки. По мнению З. Бжезинского, среди главных вопросов, на которые Америка должна реагировать по мере приближения экономики реального времени, следует выделить углубление неравенства, которое может резко ускориться в результате глобализации и распространения ИТ, особенно в финансовой сфере.

²¹ По мнению нынешнего главы ФРС США Бена Бернанке, для выхода из кризиса государство должно помогать банкам: «Надо снова дать банкам возможность более свободно выдавать кредиты и займы и обеспечить стабильность финансовых рынков» и попросить их в дальнейшем «вести себя нормально».

²² Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис и экономическая стратегия Б. Обамы – Т. Гайтнера. – «США ♦ Канада», 2009, № 4.

возможных отклонений и сбоев в работе этого механизма будет использоваться не столько государственное финансирование строительства инфраструктурных объектов, сколько жесткое регулирование со стороны ФРС всей частной финансовой сферы.

Борясь с кризисом, **администрация Обамы намерена с помощью ФРС и бизнес-элиты остудить страсти, предотвратить применение опасных конкурентных приемов. Денег будет печататься много, и их должно хватить всем. В результате все пузыри должны будут «надуваться» пропорционально и незаметно. Возможно, что всё это будет называется теорией «равномерной (контролируемой) инвестиционной инфляции Б. Бернанке», которая заменит на американском экономическом Олимпе дискредитированную кризисом теорию «избирательного обогащения Гринспена – МэдOFFа».**

9. О проблемах информационной безопасности

Косвенно опасения Э. Грамлиха нашли подтверждение в ежегодном обзоре компьютерной преступности, подготовленном Институтом кибербезопасности (CSI) и представленном американской общественности в сентябре 2007 г. В этом обзоре констатировалось, что за два года доля ущерба от финансовых киберпреступлений выросла более чем в 15 раз (см. табл. 2).

О растущих информационных угрозах национальной безопасности США предупреждал и бывший руководитель американского разведывательного сообщества М. Макконнелл²³. Судя по его материалам, угрозу национальной безопасности представляют не только кибератаки на сети Пентагона и других федеральных ведомств, но и дезорганизация финансовой инфраструктуры страны²⁴. Иначе говоря, **в качестве угрозы, способной дестабилизировать кредитную систему США, спецслужбы рассматривали внешнюю хакерскую атаку на американские банки.**

Но угроза оказалась внутренней, и это признала вся страна. Причиной колоссальной по масштабу дезорганизации финансовой инфраструктуры США стало не вторжение зарубежных хакеров, а потеря доверия американцев к банкам и финансовым корпорациям, предоставлявшим услуги по управлению их деньгами, а также к дезинформирующей инвесторов продукции рейтинговых агентств. При этом **ни спецслужбы, ни администрация не считали нарастающие финансовые пузыри угрозой экономической безопасности страны**²⁵.

В марте 2008 г. в Лондоне на конференции *e-Crime* были обнародованы данные о компьютерных преступлениях, позволяющие сделать вывод, что они уже в обозримом будущем станут одной из главных угроз международной безопасности. Подобные угрозы опасны, поскольку в отличие от оружия XX века, баланс кибероружия труднее контролировать: в этом случае речь

²³ McConnell M., Director of National Intelligence. DNI Annual Threat Assessment. Senate Select Committee on Intelligence, February 2008 – Unclassified Statement for the Record.

²⁴ Vision 2015. A Globally Networked and Integrated Intelligence Enterprise. CFR. 2008 (www.cfr.org/publication/16890/vision_2015.html).

²⁵ Подробнее см.: Роговский Е.А., Васильев В.С. Опасная финансовая турбулентность. – «США ✧ Канада», 2008, № 6.

Таблица 2

Структура ущерба от компьютерных правонарушений в США

Тип компьютерных атак	Доля ущерба %	
	2005 г.	2007 г.
Компьютерные вирусы	32,9	12,5
Несанкционированный доступ к информации	24,0	10,2
Кража личной идентификационной информации	23,8	8,5
Отказы в обслуживании	5,6	4,3
Злоупотребления инсайдеров	5,3	4,3
Кражи компьютеров	3,2	6,8
Финансовые кибермошенничества	2,0	31,6
Неадекватное использование доступных приложений	1,7	0,4
Несанкционированные проникновения в систему	0,6	1,6
Злоупотребление беспроводными сетями	0,4	6,8
Саботаж	0,3	1,6
Телекоммуникационные мошенничества	0,2	1,0
Взлом Web-сайтов	0,1	0,4

Обзоры Института компьютерной безопасности за 2005 и 2007 гг. См.: *Richardson R. Computer Crime and Security Survey* (<http://i.cmpnet.com/v2.gocsi.com/pdf/CSISurvey2007.pdf>).

идёт не о численности солдат, количестве танков, подлодок или боеголовок, и даже не о количестве компьютеров или мобильных телефонов.

НАТО уже давно относится к сетевым угрозам так же серьёзно, как и к возможности ракетного нападения. Поэтому в апреле 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте политику кибернетической обороны признали самостоятельным направлением деятельности Североатлантического союза, распространив на кибероборону 5-ю статью Североатлантического пакта (компьютерная атака на одного члена НАТО приравнивается к нападению на всех). Фактически **защита информационного пространства поставлена на один уровень с ПРО и борьбой против международного терроризма.**

При этом не только террористы, но и многие государства увидели в ИТ качественно новые возможности причинения противнику максимального ущерба минимальной ценой. Соответственно, с одной стороны, информационное оружие становится средством решения внешнеполитических проблем, наиболее приемлемым как для нападения, так и для защиты. С другой стороны, обеспечение национальной безопасности в информационной сфере становится одним из высших приоритетов оборонной стратегии.

Как оказалось, развитие такого инновационного оружия практически не регламентируется действующими международно-правовыми договоренностями. Поэтому его дальнейшее совершенствование на основе глобальных информационно-космических систем наблюдения и разведки создаёт угрозу уязвимости информационной инфраструктуры как развитых, так и развивающихся стран, что может стать важнейшим политическим фактором, дестабилизирующим международные отношения.

Вступив в должность президента, Б. Обама был ознакомлен с докладом Управления национальной разведки США «Глобальные перспективы-2025»²⁶, в котором содержится заключение о «назревшей необходимости принятия мер противодействия информационным угрозам», а также о том, что эти угрозы должны рассматриваться на уровне национальной безопасности страны.

К аналогичному выводу пришли авторы доклада «Защита киберпространства при администрации 44-го президента США», подготовленного в Центре стратегических и международных исследований и непосредственно посвященного политике кибербезопасности при новой администрации²⁷. В нём президенту Б. Обаме рекомендуется принять неотложные меры для того, чтобы не допустить по этому направлению обострения угрозы национальной безопасности²⁸.

Рекомендации были восприняты – действия новой администрации США свидетельствуют о том, что она относит информационные угрозы к уровню национальной безопасности. Так, в конце февраля 2009 г. президент Б. Обама направил в Конгресс проект федерального бюджета на 2010 г., в котором обозначены контуры расходов на разведывательную деятельность («Национальные разведывательные программы»), обеспечивающую ключевые элементы национальной безопасности США. В этом документе угрозы федеральным информационно-технологическим сетям характеризуются как реальные, серьёзные и нарастающие, а задачи укрепления кибербезопасности на федеральном уровне стоят на втором месте²⁹.

На растущие информационные угрозы национальной безопасности обратил внимание директор Национальной разведки Дэннис Блэр, выступая с ежегодным обзором внешних угроз в комитете по разведке Палаты представителей США. Среди основных проблем он выделил уязвимость информационных элементов американской национальной инфраструктуры для кибератак, исходящих не только от государств, но и от отдельных индивидов³⁰.

Но если сравнить удельные расходы на компьютерную безопасность в различных секторах экономики США, то можно заключить, что и федеральное правительство, и финансовая сфера в целом очень существенно отстают от всех инфраструктурных отраслей (см. табл. 3).

²⁶ Global Trends 2025 (http://dni.gov/reports/2025_Global_Trends_Final_Report.pdf).

²⁷ Securing Cyberspace for the 44th Presidency (http://www.csis.org/media/isis/pubs/081208_securingcyberspace_44.pdf).

²⁸ Такой взгляд на проблемы информационной безопасности разделяют и в России. В конце февраля 2009 г., своё мнение на эту тему высказал заместитель начальника Генерального штаба вооружённых сил РФ А. Ноговицын. Он заявил, что «большинство развитых государств, вставших на путь внедрения новых информационных технологий, уже осознали тот факт, что **применение информационного оружия есть фактор скрытого военно-политического и экономического давления** путём воздействия на информационную инфраструктуру и информационную сферу в целом, получения преимуществ и обеспечения своих интересов в материальной сфере без открытого объявления войны» (<http://www.izvestia.ru/news/news198732?print>).

²⁹ A New Era of Responsibility Renewing America's Promise. Office of Management and Budget. Wash., 2009, pp. 57–58 (http://www.whitehouse.gov/omb/assets/fy2010_new_era/A_New_Era_of_Responsibility2.pdf).

³⁰ Blair D. Director of National Intelligence. Annual Threat Assessment of the Intelligence Community for the House Permanent Select Committee on Intelligence, 25.02.2009 (http://www.dni.gov/testimonies/20090225_testimony.pdf).

Таблица 3

**Расходы на компьютерную безопасность на одного занятого в 2005 г.
(по секторам экономики США)**

Сектор	Удельные расходы, долл.		
	Текущие расходы	Инвестиции	Все расходы
Электричество, газ и коммунальные услуги	190	62	252
Транспорт	187	25	212
Телекоммуникации	132	72	207
Обрабатывающая промышленность	70	15	85
Высокие технологии	69	41	109
Финансы	60	10	70
Медицина	57	23	80
Розничная торговля	48	17	65
Федеральное правительство	11	19	30

С информационной точки зрения, расходуя на одного занятого в 5, 10 и даже в 20 раз меньше, федеральное правительство систематически отстаёт от бизнеса и постоянно находится в положении «догоняющей стороны». Обобщая тенденцию, можно заключить, что **характерной чертой современного этапа НТП стало то, что особенно агрессивный бизнес с помощью сверхмощных информационных технологий существенно повысил свой деловой потенциал, который во многом превзошёл возможности государства по его регулированию.**

Поскольку статус ФРС ближе к элите бизнеса, нежели к федеральному правительству, можно ожидать, что её расходы на обеспечение информационной безопасности будут многократно превышать удельные расходы федеральных ведомств. Однако, как указывается в упомянутом выше докладе Минфина США, даже «в некоторых из наиболее продвинутых финансовых фирм системы управления рисками не поспевали за нарастающей сложностью данных и расчётов, необходимых для адекватной оценки новых финансовых продуктов»³¹.

Здесь мы подходим ещё к одному важному вопросу – что же будет с финансовым рынком, если новая система финансового мониторинга окажется «дырявой» с точки зрения информационной безопасности? И дело тут не в том, что в соответствии с принципами «экономической демократии» любому желающему будут известны методы ведения бизнеса в крупных финансовых компаниях. Вопрос в том, сможет ли государство и бизнес обеспечить информационную безопасность строящейся системы финансового мониторинга (аутентичность, достоверность и целостность содержащихся в ней данных), га-

³¹ Financial Regulatory Reform: A New Foundation. Introduction.

рантировать, что чувствительная финансовая информация не попадет к противнику, что она не будет использована против интересов США?

В принципе, контроль над любым бизнесом можно довести до уровня абсолютной прозрачности, непрерывного онлайн-мониторинга. Уже сегодня заинтересованные организации имеют возможность установить на корпоративный компьютер соответствующий пакет программ и получить, таким образом, доступ и к данным национальной и международной статистики, и к практически неограниченному кругу показателей бизнес-мониторинга. В этом свете весьма вероятной представляется ситуация, когда вся информация, которой бизнес отчитывается перед различными структурами (ФРС, Казначейством, Министерством торговли, властями штатов и др.), оперативно попадает в Интернет и становится доступной не только для регуляторов, но и для враждебно настроенных конкурентов.

С такими рисками надо считаться, поскольку ***нарастающий вал мошенничества на уровне мелкого информационного бизнеса (персональных информационных инноваций), сможет постоянно угрожать стабильности финансовой системы и создавать условия для новых кризисов.***

Более того, ***этот вопрос затрагивает проблемы международной безопасности.*** В самом деле, кризис заставляет администрацию Обамы предоставить ФРС чрезвычайные полномочия по регулированию финансового рынка США. Однако этот рынок уже несколько десятилетий фактически является глобальным, поскольку и на территории США и тем более в зарубежных филиалах американских банков, инвестиционных, страховых и прочих финансовых компаний размещены огромные суммы, принадлежащие иностранным собственникам (в том числе, суверенным государствам). Следовательно, расширенные полномочия ФРС могут означать, что для восстановления «доверия иностранных инвесторов к американскому рынку финансовых инструментов» США фактически смогут использовать силовые (невоенные) методы.

В наступившей постиндустриальной эпохе при равенстве базисного технологического уровня бизнеса его конкурентные преимущества могут определяться большей изопренностью сопровождающих этот бизнес явных и/или неявных информационных сценариев и разведывательного обеспечения. Этому направлению повышения конкурентоспособности бизнеса в принципе могут соответствовать попытки применения в страховом деле сверхмощных информационных систем типа «Тотальная информационная осведомлённость» (ТИА)³²

Экономически эффективным может также стать «силовое страхование от практически неслучайных событий» (наступление или не-наступление которых можно точно предсказать с помощью той или иной инновации). Образно говоря, на новом технологическом уровне можно применить знаменитое ноу-хау Чарли Чаплина: стекольщика опережает Малыш, разбивающий стекла в домах. В этом контексте ***речь идёт не просто о новых компьютерных про-***

³² Подробнее см.: Роговский Е.А. США: информационное общество (экономика и политика). М., 2008.

граммах, а о силовом стимулировании спроса на американскую продукцию (т.е. прежде всего на доллары).

Основной доход подобного бизнеса формируется не за счёт гласного, так сказать, прямого «производственного» внедрения разработок, а за счёт опережающего роста спроса на средства защиты от их потенциальных угроз. Нельзя исключать, что в условиях явного дефицита норм международного регулирования, в ходе масштабной реформы мировой валютной системы политика новой администрации будет направлена на создание и использование именно таких преимуществ американского бизнеса.

10. Вместо резюме

Российские специалисты отмечают, что «возникла и укрепляется озабоченность, связанная с неясными социальными, экологическими и политическими последствиями использования ряда новых технологий: военных, энергетических, генетических, информационных»³³. Материал настоящей статьи показывает, что инновационные «неясности» есть и в экономической сфере.

Главными менеджерами современной Америки стали компании, управляющие капиталами клиентов. Во многом именно этот «большой бизнес» и формирует ключевые направления НТП.

Ключевые ориентиры НТП современной экономики США в существенно большей степени, чем раньше, связаны со сферой обращения, и прежде всего со сферой торговых (биржевых) и финансовых услуг. Широкое распространение мощных информационных технологий активизировало сомнительный бизнес на рубежах правового поля. Уследить за таким бизнесом очень трудно.

НТП может содействовать выходу американской экономики из кризиса. Знаменитый экономист XX века Дж.К. Гэлбрейт был уверен, что США, избравшие путь «новой индустриальной политики», могут развиваться без революций и без таких сильнодействующих лекарств, как предложенное А. Гринспеном «созидательное разрушение» (*creative destruction*)³⁴. Для этого все экономические болезни нужно просто вовремя замечать, ни в коем случае не запускать, предвосхищать их обострение и принимать адекватные превентивные лечебные меры.

По нашему мнению, нынешний президент Соединенных Штатов Б. Обама готов разделить эту позицию Дж.К. Гэлбрейта. Судя по предложениям его администрации, роль государства состоит не только в том, чтобы стимулировать появление и внедрение новых разработок, но также и в том, чтобы контролировать наиболее значимый бизнес, и по возможности предотвращать негативные последствия распространения опасных финансовых инноваций. Наибольшее влияние с этой точки зрения могут иметь организационные инновации в

³³ Мировая экономика: прогноз 2020 г. Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007, с. 8.

³⁴ См.: Greenspan A. The Age of Turbulence. Adventure in a New World. N.Y., 2007.

сфере регулирования финансового рынка (в том числе повышение надёжности и качества такой информационной продукции как кредитные рейтинги)³⁵.

Но сможет ли Б. Обама это сделать? Если нет, то кризис может стать затяжным и превратиться в то, что А. Гринспен в своей книге назвал «эрой турбулентности». А если да? Тогда в ФРС США будет сосредоточена доселе невиданная глобальная финансовая мощь (самая «мягкая» и самая влиятельная), эта структура станет самой информированной финансовой структурой в мире. Тогда одной из главных угроз экономической и информационной безопасности не только США, но и других стран может стать проблема инсайдерства сотрудников ФРС.

В предыдущей статье уже отмечалось³⁶, что одним из выдающихся современных инсайдеров можно считать бывшего шефа ФРС А. Гринспена. После своей отставки в 2006 г. он занялся инвестиционным менеджментом и ещё совсем недавно являлся советником компании «Полсон» (*Paulson & Co. Inc.*), основатель которой, Джон Полсон, известен тем, что в 2007 г., играя на рынке недвижимости, больше всех в мире выиграл на глобальном обрушении кредитных рынков (его прибыль составила 550%, или 4 млрд. долл.). В 2008 г. эта компания также оставалась среди наиболее удачливых игроков на инвестиционных рынках.

Упомянутые выше предложения Министерства финансов завершаются объёмным разделом, посвященным укреплению международной кооперации в области регулирования финансовой сферы. Судя по всему, именно эти предложения Б. Обама представил сначала в Москве, а затем в Аквиле. Однако о конкретных мерах, противодействующих дальнейшему развитию кризиса, ни в Москве, ни на саммите в Италии договориться не удалось. В Европе уже высказывалось мнение, что планы США по спасению своей экономики – это «дорога в ад»...

В конце августа Б. Обама продемонстрировал преемственность монетарной политики США, предложив Сенату продлить полномочия шефа ФРС Б. Бернанке ещё на четыре года. Руководители крупнейших мировых банков приняли это известие «с облегчением».

Однако председатель сенатского комитета по делам банков, жилищному строительству и городским проблемам К. Додд (демократ от Коннектикута) предупредил, что слушания по этому вопросу могут оказаться весьма непростыми. И дело не в кандидатуре Бернанке, а в информационном контроле над самой ФРС. Уместно вспомнить, что конгрессмен Р. Пол (республиканец из Техаса) уже внёс законопроект об аудите ФРС, а судья Л. Преска потребовала срочно представить отчёт об экстренных займах, выданных для спасения экономики от «второй великой депрессии»³⁷.

³⁵ В упомянутых выше предложениях Министерства финансов рекомендация по ужесточению контроля за деятельностью кредитных рейтинговых агентств адресуется в основном зарубежным партнёрам США, поскольку эта рекомендация отнесена в самый конец документа, в раздел V, посвященный укреплению международной кооперации.

³⁶ См.: «США ♦ Канада», 2009, № 4.

³⁷ www.chaskor.ru/p.php?id=9924